

ЗНАМЕНИТОСТЬ

Дмитрий
Тростников

Дмитрий Тростников

Знаменитость

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Тростников Д. В.

Знаменитость / Д. В. Тростников — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Это история о певце, которого слушала вся страна, но никто не знал в лицо. Ленинград. 1982 год. Легко сорвать куш, записав его подпольный концерт, собирается молодой фарцовщик. Но героям придется пройти все круги нелегального рынка звукозаписи, процветавшего в Советском Союзе эпохи Брежнева, чтобы понять: какую цену они готовы заплатить судьбе за право реализовать свой талант?.. Идея книги подсказана песнями и судьбой легендарного шансонье Аркадия Северного (Звездина). Но все персонажи в романе «Знаменитость» вымышлены автором, а события не происходили в действительности. Любое сходство с реальными лицами и фактами случайно. В 2011 году остросюжетный роман «Знаменитость» включен в лонг-лист национальной литературной премии «Большая книга».

© Тростников Д. В., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Знаменитость	5
Часть первая. Знакомый голос	6
1 Пачка червонцев с Лениным	7
2 Генеральский люкс	14
3 Знакомый голос	19
4 Подпольный концерт	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Знаменитость

(роман)

Часть первая. Знакомый голос

1 Пачка червонцев с Лениным

Июнь 1982 года. Ленинград

Такой пачки денег я еще никогда не держал в руках. Новехонькие, хрустящие рыжие червонцы с овальным портретом Ленина были вдоль и поперек перехвачены полосками банковской бумаги. С оттиском «1000 рублей», заверенным подписью кассира. Все эти подробности я с наслаждением разглядел заранее, поэтому сейчас просто небрежно кинул пачку на крахмальную скатерть.

– Спрячь! – всполошился Витька Зяблицкий. – Может, лучше, пойдем отсюда?

Непривычного Зяблика угнетала обстановка солидного ресторана: яркий свет и надменные официанты, изобилие массивных вилок и ножей на столах.

– Нормально! – возразил Валет. – Хоть на официанта впечатление произвели. Он на нас косился недовольно, теперь подбежит, как миленький!

Равнодушным тоном Валет демонстрировал недовольство, что я заставил себя ждать, опоздав на встречу. Он-то чувствовал себя в «Поганке» (так все называли ресторан гостиницы «Центральная»), как рыба в воде, и мог бы не морщиться. Я ведь не где попало, болтался, а прокрутил самую рискованную часть нашего дела.

– Как прошло? – небрежно спросил он.

«Как прошло!» – Мысленно возмутился я. «Мне только что заплатили больше, чем мой отец зарабатывал в своем конструкторском бюро за полгода!» Но невольно я и сам втянулся в небрежно-равнодушный тон.

– Я этому Аслану на год гарантию пообещал. Чтобы, если какая поломка – он не вздумал сам лезть внутрь магнитофона, а сразу мне звонил. Рассказал, что у японцев система – стоит открыть крышку, и все детали зальет кислотой. Так фирма «Sony» охраняет свои технологии, – я с удовольствием похвастался своей остроумной выдумкой.

Это была моя идея – сделать самопальный магнитофон, а продать, как фирменный «Sony». Разделение труда между нами было четкое. Витька – мой ближайший друг, который в институте писал за меня диплом, всегда был способен спаять космический корабль из старой швейной машинки и остатков водопроводной трубы. На нем была конструкторская мысль и техническая сборка. На мне – общее руководство процессом, плюс впаривание аппарата клиенту. Валета – начинающего инструктора райкома комсомола – я бы вообще не брал в дело, но без его связей, не удалось бы достать фирменные лейблы «Sony» и некоторые японские детали.

Благодаря Витькиному техническому гению мы, кстати, не особенно обманули богатого кавказца. Он получил отличный магнитофон. Звук нашего аппарата был не хуже японского. Да и сломаться он не должен (по крайней мере – первое время). Просто не имеет права! Ведь у Асланбека обнаружилась куча соплеменников, обожающих эстрадную музыку и готовых выстроиться в очередь за нашими магнитофонами.

– Дело пошло! Завтра в двенадцать этот Аслан приведет какого-то своего земляка! Из нашей тысячи сотку заплатим фарцовщикам за фирменный каталог «Sony» для отвода глаз. Еще сколько-то за детали. Витя – успеешь за неделю второй аппарат спаять? – я вполголоса торопился выпалить компаньонам новые грандиозные планы.

Но пришлось прерваться. Над нами склонился официант.

– В семь часов оркестр начинает музыкальный вечер! Сегодня у нас поет Ева Томашевская, – со значением предупредил официант, кивнув на музыкантов, настраивавших инструменты в глубине эстрады.

– Ну, так мы посидим? – пожал плечами Валет, оглядываясь на нас.

Я иногда потом думал: а если бы мы не остались тогда в «Поганке» после семи – ведь вся моя жизнь, наверное, сложилась бы иначе?.. Может, стоило вовремя уйти? Трудно сейчас сказать. А тогда я был просто окрылен нашим первым успехом.

– Я что-то не пойму, Серега, – поморщился Валет. – Почему мне только треть бабок? Без сендастовых магнитных головок, которые я вам достал, магнитофон был бы просто фуфло... А без японского корпуса ты бы аппарат никогда не толкнул за тысячу. Максимум пятьсот. Не справедливо как-то получается?

– Может, поменяемся? Ты вместо меня возьмешься самопал хачикам толкать? – поинтересовался я. Зло брало – хорошие деньги сами шли в руки, а мы уже начали спорить из-за мелочей.

– А теперь ты хочешь сразу чуть не половину суммы ухнуть неизвестно куда, еще и каталог какой-то... – не унимался Валет.

– Если не нравится, можем и без тебя обойтись, – эти препирательства уже начали мне надоедать. – Фарцовщики мне предлагали точно такой же корпус достать, причем дешевле, – сворал я для надежности.

И пока Валет призадумался, я тоже взял паузу, специально отвернувшись на звук оркестра, начавшего вступление. И замер, пораженный. В тот вечер Ева Томашевская, царившая на эстраде, была немислимо хороша. Рыжие кудри, стиснутые заколкой, упрямо не желали томиться в заточении, одна прядка все время сваливалась ей на бровь, и певица отправляла ее обратно, грациозным движением тонкой руки. Точеная фигурка угадывалась под легким платьем из алого шелка, простроченного какими-то блестками. Стоило увидеть ее на эстраде – и я погиб! Совсем пропал!

– Где-то на белом свете! Там где всегда мороз! – запела Ева. А я сидел, онемевший, слабо соображая, как в таком миниатюрном теле может скрываться такой пьянящий голос? Мурашки побежали по коже. – Трутся спиной медведи о земную ось!... – Я даже представить себе не мог, что тогда ей уже исполнилось тридцать. Выглядела Ева Томашевская, словно школьница.

– Зря пилишься. Не твоего полета птичка, – не одобрил моего взгляда Валет. – За то, чтобы наши желания всегда соответствовали нашим возможностям! – предложил он издевательский тост, разлив водку по рюмкам.

– Не желаете приобрести букет для дамы? – раздался над моим ухом скорбный голос.

Рядом с нашим столиком как из-под земли возникла седенькая старушка, аккуратным видом напоминавшая на пожилую учительницу на пенсии. Тут же маячил и наш официант, это я отметил периферийным зрением. В корзиночке у старушки покоились вялые пучки чайных роз, выращенных на подоконнике.

– Двадцать пять рубликов, – тем же скорбным тоном промолвила бабуля.

– Скока-скока?! – возмутился Витька Зяблицкий, который успел слегка сомлеть от выпитой водки. – Это же пять бутылок водки!

Я уже собрался отказать хищной тихушнице, но передумал. Все-таки Валет зацепил меня своим снисходительным тоном. Было бы слишком паршиво не принять такой вызов. Когда карманы набиты деньгами, а настроение великолепное после одержанной победы.

Дальше начался чистый экспромт. Отсчитав старушке червонцы, я через секунду, с цветами в руках, оказался подле Евы.

– Хотите, чтобы я спела песню, молодой человек? – своим неповторимым голосом с хрипотцой спросила Томашевская. – Как зовут молодого гусара? – поинтересовалась она, поднеся букет к самому лицу, и не сводя с меня ласковых глаз.

– Сергей, – ответил я.

– А эта песня исполняется для Сергея! – объявил на весь зал клавишник.

Я вернулся, не глядя на примолкшего от зависти Валета. И вечер помчался, как на крыльях. Ева пела, мы праздновали свою первую удачную сделку. Посетители ресторана – а

«Поганка» была в тот вечер набита под завязку – шумели все громче. И наступил момент, когда Ева спустилась за боковой столик, самый близкий к эстраде, накрытый для музыкантов, и закурила – у нее начался короткий перерыв. А оркестр заиграл медленное танго.

– Кавалеры приглашают дам! – объявил пианист.

Десять шагов до ее столика я молился, чтобы никто из подвыпивших гуляк не рискнул пригласить Еву раньше меня. Но в тот вечер мне фартило. И уже через минуту, от волнения мучаясь одышкой, я обнимал Томашевскую в медленном танце. И смотрел в ее невероятные искрящиеся глаза.

Девушки-ровесницы на меня заглядывались всегда. Не то, чтобы я был шибкий красавец, или завязанный балагур. Так, средней внешности, но крепкого телосложения. Стригся коротко, одевался просто. Но что-то девушки во мне находили. Обычные девушки. С ними я был в себе уверен. Но ведь Ева была звездой! С такой женщиной я впервые находился рядом.

– Знаете, Сергей, – первой заговорила она. – С вами так приятно просто молчать... Если бы вы знали, как я устала от болтливых и самовлюбленных ухажеров... А в вас чувствуется какая-то надежность...

Ее ладонь скользнула вдоль моего плеча к шее. Она поворошила тонкими пальчиками ежик моих волос на затылке. Вдоль позвоночника сразу побежали мурашки. А еще мои ноздри вдыхали сильный аромат ее пранных духов.

Музыка кончилась, оркестранты взяли перерыв. А я рискнул пригласить Еву за наш столик. И она согласилась!

– Гриша! Солнышко! – попросила она официанта, который уже был тут как тут. – Пожалуйста, принеси шампанского. Возьми из директорского запаса. Мое любимое, тбилисского разлива. И еще икры хочется. К шампанскому ведь подают черную икру?..

– Ева, голубушка, но это же двойной тариф!? – как бы переживая, развел руками официант.

– Ерунда, несите! – велел я.

– Сделай для меня, Гришенька, – и она, чмокнув губами, адресовала официанту довольно вульгарный воздушный поцелуй.

– Что празднуем, молодые гусары? – поинтересовалась певица. И я обратил внимание, как, достав сигарету, она не попыталась прикурить ее сама, и не попросила огонька у нас. Она как бы забыла про нее. Просто держала фирменное «Мальборо» на отлете в тонких пальчиках, но через секунду некурящий Зяблик, схватив мою зажигалку, уже яростно чиркал спотыкающимися пальцами и сопел от напряжения – с непривычки, огонь ему удалось добыть не сразу.

Ева оказалась очень легкой в общении. Она охотно смеялась, и пила шампанское быстро и до дна. Валету, которого она практически игнорировала, оставалось только разыгрывать надменность. Зато друга Витьку я впервые видел в таком состоянии. Технический гений и безнадешный девственник – Зяблик – даже что-то мычал, изо всех сил стараясь маячить у нее на глазах.

Потом Томашевская вернулась петь к микрофону. А я остался сидеть в ауре блаженства. Потому что знал – сегодня самый везучий день в моей жизни. Я не сомневался, что сегодня Ева – моя. И имел тому тайное подтверждение – она недвусмысленно провела под столом ногой вдоль моей ноги. Причем сделала это дважды! Официант выбился из сил, обслуживая все наши заказы. А я, заторможенный от алкоголя головой, пытался сообразить – куда же можно повести такую роскошную женщину на ночь?

Но в этот момент в зале раздался шум. У входа кто-то скандалил. Головы повернулись в ту сторону. Отругиваясь от швейцара, в ресторан не вошел, а скорее влетел человек, одетый во все белое!

В Советском Союзе было не принято носить белые костюмы. Не сказать, чтобы это было противозаконно, но такой шик в одежде отдавал вызовом обществу. Довольно рискованная

штука. Их не шили и нигде не продавали. Но этот тип не просто был одет в элегантную белую тройку. Еще и шелковый белый шарф венчал вызывающую роскошь, небрежно заброшенный за плечо.

– Алеша!.. Алеша!.. – пронесся по залу шепоток.

– Алешка, черт! – воскликнула, забыв про микрофон, Ева Томашевская, прервав песню на полуслове.

Тип в белом костюме танцующей походкой лавировал в тесноте облепленных посетителями столиков. Чувствовалось, что он здесь свой и знаком половине завсегдатаев. Когда он проскальзывал мимо нас, я успел разглядеть, что этот Алеша высок ростом, худ и сутул. На вид – лет сорок. Жидкие и длинные прямые волосы были зачесаны назад, открывая залысины, как у секретарей обкомов КПСС из старых фильмов. Его худое лицо выглядело бы классически некрасивым, если бы не потрясающая улыбка, растягивавшая рот практически до ушей.

– Этого пижона, я здесь раньше не видел, – небрежно бросил Валет.

– Вы, молодой человек, осторожнее с такими словами, – вполголоса предупредил официант. – Это Алеша Козырный. Настоящий король ресторанной и блатной песни. Любимец публики. Откуда только взялся?.. Около года его здесь не было.

– Алеша! Спой!.. – крикнул кто-то из глубины зала.

Однако Алеша добрался до столика, накрытого для оркестра, и плюхнулся за него, как будто это было единственной целью долгого и многотрудного пути. Схватив бутылку вина «Алиготэ», он сосредоточенно набулькал себе целый фужер и принялся сразу пить крупными глотками, как человек измученный жаждой. Выпирающий кадык на его шее, заходил ходуном. Музыка прервалась. Оркестранты обступили гостя со всех сторон с дружескими объятиями и похлопываниями по спине. В кабаке все оказались в восторге от появления этого типа!

– Алеша!.. Спой! – это уже чарующе женственный голос Евы Томашевской произнес в микрофон.

Но наглый Алеша даже на такой призыв только мотнул головой и показал сложенные большой и указательный пальцы, как если бы просил подождать самую чуточку. Но музыканты поняли его иначе. Один из них налил маленькую рюмку водки и поднес певцу. Тот эффектно замахнул сорокаградусную в рот и легким полупрыжком вскочил на эстраду.

У микрофона Алеша распахнул объятия, во всю ширину своих длинных и тонких рук с огромными кистями, словно приглашая Еву упасть к нему на грудь. И что мне уже совсем не понравилось – она прыгнула в его объятия стремглав, словно не могла дожидаться уже давно. А он обхватил ее, укрывая от чужих глаз белым балахоном своего пиджака, и еще что-то шептал на ушко неприлично долго.

Затем Алеша шагнул вплотную к микрофону, и принялся регулировать стойку под свой рост. Ведь он был выше изящной Евы на голову или больше. И только выправив микрофон, Алеша объявил:

– Ну! По просьбам трудящихся!..

Басист кивнул и ударил по струнам, а его сосед стремительными пальцами пробежался по клавишам.

– А-а лучше быть богатым, но здоровым! И девочек роскошных целовать! И миновать тюрьмы замок суровый! И белые костюмы надевать! – голос Алеши игриво раскатился по ресторану, под задорную ритмическую мелодию.

Я не очень понимал публику в зале. Как вообще можно танцевать под такой «блатняк»? Но все ринулись в пляс. Солидные дядьки, только что смачно поглощавшие цыплят табака, резвились на пятачке перед эстрадой, так и не вытащив салфетки, засунутые под воротники. А дамочки, которым уже давно пора бы подумать о душе (или, как минимум, о целлюлите), с гиканьем крутили юбками, изображая страстных цыганок. Сам я, не находил прелести в этом

дворово-хулиганском стиле. Слушал его через силу, когда папаша в подпитии начинал крутить своего Высоцкого.

Мне было не по душе пение Алеши и этот пьяный шабаш. Но хуже всего, что Ева Томашевская напрочь забыла про меня. Сколько я не засматривался в ее сторону – ни разу не поймал ее взгляд. Как только появился этот Алеша, я для нее словно перестал существовать.

– А ты ее икрой кормил. Столько денег попусту угрохал, – не скрывая торжества, принялся сочувствовать Валет.

Еще полчаса я пил водку рюмка за рюмкой, и терпел многозначительные ухмылки Валета. Ресторан уже должен был закрыться, но Алеша выдавал песню за песней, публика не расходилась.

– Что это он такое сейчас запел? – недоумевал сильно захмелевший Витька. – «Комиссары девочек наших ведут в кабинет»?.. Белогвардейщина какая-то?

– Поручик Голицы-ин, раздайте патроны! Корнет Оболенский – надеть ордена! – со слезой выводил певец медленную песню. Горло его тряслось на надрывной ноте.

– Сейчас ему растолкуют, что можно петь, а что нельзя даже в шутку. Вон те люди в штатском. Они из «конторы», – вполголоса пообещал Валет.

– КГБшники здесь? – поразился пьяный Витек. Он даже привстал, рассматривая зал. – Покажи?! Где КГБшники?!

– Сядь быстро, – зашипел на него Валет. – Все! Пора валить отсюда. Добром это не кончится. Дайте счет! Какие триста рублей?.. Откуда?!

Витька тоже засобирался – он боялся, что мосты вот-вот разведут, и он не доберется домой. Валет спорил с официантом, относительно нашего счета, который вдруг оказался трехзначным.

– В конце концов, это ты заказывал икру и прочую роскошь, – нашел он выход, и протянул счет мне. – Я по-честному оставляю тридцать рублей за то, что сам съел и выпил, а остальное оплачивай из своей доли.

Я машинально взял листок, сверху донизу исписанный неразборчивыми карандашными каракулями, не глядя, сунул в карман, и двинулся к эстраде, проталкиваясь через плотный частокол медленно танцующих пар. Не мог я просто так уйти, не расставив все точки над «і».

Сначала я просто стоял перед эстрадой, всем своим видом показывая Томашевской, что пора бы уже меня заметить.

– Ева! – позвал я, стараясь перекрыть микрофон. – Е-ева!

Ноль внимания с ее стороны!

Но зря они меня недооценивали. Шнур от микрофона был включен в длинный переходник, который тянулся по полу дальше, к усилителям. Я, легко дотянувшись до переходника, повернул его, как положено и разомкнул. Микрофон умер. Голос певца осекся на полуслове. В зале возмущенно зашумели и засвистели.

Только после этого меня, наконец, изволили заметить.

– Сейчас тебе руки вырву! – в бешенстве заявил Алеша. И двинулся вперед, воплощать свои агрессивные намерения.

Точнее не двинулся, а покачнулся. Он стискивал стойку микрофона, наваливаясь на нее всем телом, потому что был уже пьян настолько, что не мог стоять на ногах, ни на что не опираясь. Вдобавок, его белый пижонский шарфик обмотался вокруг стойки и потянул ее за собой. Электропроводку коротнуло. И певец судорожно дрыгнулся, пронзенный электрическим разрядом. Музыканты подхватили его на лету. Но Алеша, все никак не хотел успокоиться. Он вырывался, размахивая руками, словно дрался со мной вслепую. Эти его потуги выглядели такими жалкими, что мое недавнее бешенство отступило. И стало смешно, как секунду назад я чуть было не полез в драку.

На плечо мне легла мощная лапа швейцара.

– Заплатите по счету молодой человек! Иначе милицию вызовем, протокол составим за ваше хулиганство, – пробасил швейцар.

– Зачем органы звать, когда они давно здесь, – мне все еще было весело. На глазах у публики я отсчитывал новенькие червонцы, казавшиеся бесконечными, и не боялся любого поворота событий. – Госбезопасность весь ваш концерт внимательно слушала, им и свидетелей не надо...

– Как слышали? – встревожилась Томашевская и посмотрела на меня, точнее проводила взглядом пачку денег, которую я вернул в карман пиджака. Кстати, на ощупь червонцев осталось гораздо меньше, чем я рассчитывал.

– Подумаешь – КГБ?! Сейчас еще «Черную моль» спою! – мычал невменяемый певец, порываясь вернуться к микрофону.

– Тебе же в Киеве гонорар заплатили! Если заберут – лишишься всех этих денег! – зло тряхнула его Ева. – Ты этого хочешь? Лучше мне деньги отдай – сохраннее будут!..

Но певец уже только, молча, пошатывался. От столиков в зале нас все еще загораживала толпа посетителей, жаждущих продолжения дискотеки. Поэтому мы не могли видеть сотрудников грозной спецслужбы. Но и они не могли сейчас наблюдать нас.

– А вы молодой человек с характером, – моментально сориентировалась Томашевская, подхватывая меня под локоть. – Потапыч нас выведет через черный ход. Зачем нам лишние неприятности? – Похоже, она успела забыть, как меня зовут, хотя еще полчаса назад мы были «на ты». – Игратьте что-нибудь, мальчишки! Пусть все танцуют! – махнула она ансамблю.

Могучий швейцар вывел нас троих через помещение опустевшей кухни, где еще ощущался жар плит и чад подгоревшего масла, в вестибюль ресторана. Ева волокла под руку, вдребезги пьяного Алешу, который в своем белом костюме то и дело натывался на кадки с огромными фикусами, изображавшими здесь пальмы. Не отпуская разомлевшего кавалера, другой рукой Ева, тем не менее, удерживала и меня.

На улице пары вдохов свежего ночного воздуха хватило, чтобы алкоголь закружил и мою голову. До сих пор я держался нормально, но теперь понял, что вот-вот и меня тоже по-настоящему развезет. Над Ленинградом стояла июньская белая ночь – время замерло. Ева Томашевская, осмотрелась по сторонам, не скрывая разочарования.

– Приглашаете проводить даму, а сами без машины. Фи!.. – фыркнула она, снова, мгновенно, потеряв ко мне интерес. – Какой же вы, гусар?

Ева даже отвернулась, и принялась трясти и без того шатающегося Алешу, опять спрашивая о каких-то деньгах, при этом она вполголоса ахала и возмущалась. А певец довольно нелепо разводил руками и даже пытался вывернуть наизнанку белые карманы.

Упрек Евы обжег меня стыдом, как пощечина. Действительно, на тротуаре меня дожидались только Зяблик и Валет. Точнее Валет задержался поздороваться с неприятным типом, небрежно припарковавшим у тротуара последнюю модель «Жигулей». Снисходительно кивнул Валету, тип уже поднимался по ступеням ресторана, под ручку с ярко-накрашенной девицей. Причем он старался шагать на ступеньку впереди, так меньше бросалось в глаза, что девица выше его на полголовы.

– Вот, как надо жить, не размениваясь на мелочи, – с завистью кивнул Валет вслед поднявшемуся в ресторан типу. – Старший товарищ. Инструктор идеологического отдела обкома. Мне бы так когда-нибудь!..

– Ресторан все равно закрыт, – буркнул я. – Зря он приехал...

– Откроют, стоит ему глазом моргнуть, – обнадежил Валет. – Он даже машину не запирает. Весь район – его вотчина! Уж он-то не потратит весь вечер, обхаживая певичку, и чтобы она ему еще потом не дала!.. – съязвил Валет, явно от зависти.

Я еще раз вздохнул свежий воздух, подавляя закипавшую ярость и, чтобы голова меньше кружилась. Такому, как Валет, не дано понять, что победить человека, у которого хватает сме-

лости дерзнуть – невозможно! Тем более – сегодня, когда весь день дразнит удача – я не соби-
рался ее упускать. Без единого слова, я сел за руль оставленных «Жигулей» на глазах оторо-
певших Витьки и Валета.

Год назад я наблюдал, как знакомый автомеханик на спор доказывал, что любые
«Жигули» можно завести без ключа, если знать – как. Сначала, я снял с ручника и резко выкру-
тил руль до упора. И даже задержал дыхание – важно было не перепутать ни одной мелочи,
повторяя его главный фокус. Раз! И не успевший остыть мотор действительно завелся.

– Ева! Машина есть! – крикнул я, приоткрывая переднюю дверцу.

Томашевская даже не потрудилась заметить, каким невероятным образом у меня вдруг
образовалась машина. Они с Алешей просто разместились на заднем сиденье.

– Сережа, у тебя есть деньги с собой? – Наконец-то ей удалось вспомнить мое имя! – В
«Прибалтийской» гостинице генеральский люкс – роскошное место...

– Серега, ты что творишь?! – от испуга Валет даже попытался перегородить мне дорогу.

– Не суетись! Я только покататься взял, через пятнадцать минут верну обратно. Твой
старший товарищ и заметить-то не успеет, – шепотом объяснил я через окошко.

Кое-как трогаясь с места, я помню наслаждение, которое испытывал, победно объезжая
Валета, стоявшего истуканом от страха.

– Учти – ты ничего не видел!.. – еще подмигнул я ему на прощание.

2 Генеральский люкс

Я проснулся от того, что почувствовал неладное.

Открыл глаза и сразу подскочил, как ошпаренный. Больше всего меня потряс вид бронзовых канделябров, поддерживавших электрические свечи, вместо обычных настенных ламп. Парчовые шторы с толстенными кистями преграждали путь солнечному свету с улицы. Раньше такие шторы доводилось видеть только в актовом зале института. Но это был не актовый зал, а роскошная спальня, где я находился один.

«Генеральский люкс»! Теперь я вспомнил! А еще вспомнил, где и сколько вчера платил, от чего стало окончательно не по себе. Я лихорадочно сгреб одежду, валявшуюся на полу вокруг кровати, но своего пиджака почему-то не обнаружил. Жгуче захотелось эвакуироваться отсюда как можно быстрее и незаметнее.

Из-за закрытой двери в комнату, доносился странный звук. Какое-то позвякивание. Там точно кто-то находился. И казалось – что-то делал украдкой. Я потихоньку надавил на ручку двери, она была тяжелая, металлическая и витая, как те, чертовы канделябры – и шагнул наружу.

Посреди залитой светом гостиной, опершись локтем на край черного рояля, сидел высокий сутулый тип в расхристанном белом костюме. Вчерашний певец из ресторана – Алеша – я его вспомнил. На зеркальной полировке черной крышки рояля, перед ним выстроилась батарея бутылок с неизвестными мне импортными этикетками. Тип наливал себе пиво в большой фужер из тонкого стекла. Он тщетно старался не позвякивать горлышком о край фужера – руки слишком тряслись.

– Пивка? – спросил певец, как будто мы старые знакомые, стоило ему заметить мое появление.

– Мне бы умыться, – пробормотал я, еще слегка робея, но, уже успокаиваясь – по крайней мере, потерянный пиджак обнаружился здесь, в гостиной, он валялся на кресле.

Стоя перед огромным зеркалом в ванной комнате, я вспомнил и ужаснулся – как за один вечер умудрился разом ухнуть такую кучу денег? В ресторане я оставил всю свою долю от сделки. А этот роскошный генеральский люкс оплачивал уже из средств Витьки Зяблика, которые тот доверил мне на развитие нашего общего бизнеса. Внутри закипала досада на самого себя, на всю пьяную глупость, которую успел вчера натворить.

И вот тут меня настиг последний, самый худший обрывок воспоминаний. Вчера я приехал сюда на автомобиле. Который угнал! Нет – взял покататься. И не отдал. Господи! Сделай чудо, чтобы это было не со мной! Чтобы все это оказалось только дурным сном. Я прислонился лбом к холодному зеркалу и зажмурился. Душу начинало грызть раскаяние немыслимой силы.

Но слабость я себе позволил не больше чем на минуту. Раз деньги улетели – значит, надо заработать их снова. Главное – как можно скорее и незаметнее исчезнуть из этой роскошной гостиницы. Сегодня в двенадцать встреча с Асланом и его соотечественником. Если быстро купить японский каталог, и показать кавказцам, может быть получится не только договориться, но и взять половину денег сразу? Еще можно успеть. Начать все заново. А дальше уж как-нибудь наладится. На крайний случай у меня вчера точно были отложены последние сто рублей.

Я засунул руку во внутренний карман пиджака, но он оказался пуст. Под ложечкой нехорошо похолодело, в очередной раз за это утро. Обшарил боковые карманы – пусто. Залез в карманы джинсов – только мелочь... При этом я точно помнил, как последнюю сотню упрятал подальше и пообещал себе не трогать. Дошло до того, что в пустой туалетной комнате, я снял штаны и пиджак, перетряс все вверх ногами, стоя в одних носках – денег не было. А в

душе поселилось смутное подозрение, что меня обокрали. Я слышал про такие истории, когда жулики напоят человека, а потом обирают?

– У меня деньги были, сто рублей. Теперь их нет, – сказал я, вернувшись в гостиную, с трудом переведя дух.

Я встал в метре от этого Алеши и заглянул ему прямо в глаза. Особых поводов предъявить ему обвинение в воровстве, у меня не было. Но решимости хватало – хоть отбавляй, и я понимал: если почувствую, что он врет и отпирается – просто заеду ему в морду.

– Так это я позаимствовал! – радостно признался Алеша. – Ты извини, я сразу не успел сказать. Занят был, – и певец жадно приник губами к краешку фужера, не обращая больше на меня ни секунды внимания. Его выпирающий кадык сделал несколько судорожных глотательных движений.

– Они же у меня далеко в кармане были спрятаны? – не понял я.

– Ну, я с утра зашел – вижу, ты спишь. Думаю, зачем будить хорошего человека? А у меня трубы горят – сил никаких нет. Ну, и позаимствовал денежку. Пива заказал. Я же тебе сразу говорил, пивка не желаешь?

Его уверенное сознание, как будто все нормально, взбесило меня еще сильнее, чем понимание того, что этот тип тайком шарил у меня по карманам! У меня не было слов. Зато, видимо, появилось, что-то такое во взгляде, от чего Алеша забеспокоился.

– Да ты не напрягайся, генацвале! – почему-то он назвал меня на грузинский лад и развел руками, пытаясь изобразить виноватую улыбку. Но вышло наоборот – его похмеленная рожа выглядела чересчур довольной. – Все классно будет! Ко мне в двенадцать часов Василич придет, гонорар привезет, и я тебе мигом отдам. А пока выпей пивка, расслабься...

Зря он взял этот тон. В следующее мгновение, я уже держал его за лацканы пиджака и орал:

– Какие двенадцать часов?!.. У меня встреча в двенадцать! Мне сейчас деньги нужны!..

Тут я тряхнул его так сильно, что фужер полетел на пол и с нежным звяканьем разлетелся осколками. А недопитое пиво расплескалось по ковру. Это немного утихомирило меня. Хватило ума понять, что если сейчас еще начнутся разборки с гостиничной администрацией – мне не успеть к полудню, ни с деньгами, ни без денег. И Аслан с соотечественником впустую прождут меня у Пяти углов.

– Давай, что осталось, – потребовал я.

Он без сопротивления немедленно полез в карман, и извлек оттуда одну маленькую и смятую бумажку салатного цвета.

– Что это? – опешил я.

– Трояк остался... Тут в буфете пиво импортное – «Будвайзер» по пятнадцать рублей бутылка. Вот и получилось... – оправдывался Алеша.

То есть он собирался сказать, что за утро сумел истратить ползарплаты среднего советского гражданина?! Когда в магазине бутылка «Жигулевского» стоит пятьдесят копеек. А эта сволочь, без спросу истратила мои последние деньги на «Будвайзер» по сумасшедшей цене. А если к этому добавить страх и злость на себя из-за глупости с чужой машиной, вы понимаете, что я просто обязан был дать ему в рыло.

Но не дал. Потому что в двери номера зашла полная немолодая горничная с огромной охапкой роз.

– Поставь на рояль, Никитишна, – попросил Алеша, не теряя самообладание.

Горничная с розами степенно прошествовала к черному роялю. По пути окинув неодобрительным взглядом остатки разбитого бокала.

– Вот ведь никак нельзя, чтобы не напакостить! – принялась браниться сварливая тетка. – Кто теперь гостинице за бокал из чешского стекла компенсирует? У меня его из зарплаты вычтут! – Она уперла руки в бока и ее глаза навывкате сверкали гневом.

– Не сердись, Никитишна! Сейчас мне привезут гонорар – решим все вопросы. Еще внукам потом рассказывать будешь, каких артистов у себя в генеральском люксе принимала.

– Бардак разводить все вы артисты, – проворчала неугомонная Никитишна. Она явно не собиралась уходить и только переводила выразительный взгляд с роз на Алешу.

Он тяжело вздохнул, снова извлек из кармана последнюю трехрублевку, и, виновато глядя на меня, грустным выражением огромных глаз, протянул бумажку сварливой бабе.

– Пора номер освобождать. Уже начало двенадцатого! – огрызнулась, уходя старая халда. – Директор «Тяжмаша» из Днепропетровска с супругой заселяется.

Начало двенадцатого! Это была катастрофа. Я осторожно сдвинул тюлевую занавеску и выглянул вниз, на тротуар перед гостиницей. Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что вчерашний эпизод с «Жигулями» мне померещился спьяну, и никакую машину, я на самом деле не угонял.

Но то, что творилось внизу, заставило мгновенно отпрянуть от окна. Мои молитвы не были услышаны – чудо не произошло. Проклятые «Жигули» стояли прямо перед фасадом «Прибалтийской». Причем ночью, я криво припарковался. Заехал передним колесом на бордюр, опрокинул урну, и похоже, помял крыло машины. И вот это безобразие как раз рассматривали сразу три милиционера. Точнее – двое интересовались покалеченной машиной, а третий, запрокинув голову, озирался на окна гостиницы. Я отпрянул быстро, но все равно не был уверен – заметил он меня в окне или нет.

– Алешенька! Это мне такая роскошь!?!.. Внимательны-ый!..

Из второй спальни легкой походкой выпорхнула Ева Томашевская. Промокая полотенцем влажные волосы, она сразу же подбежала к роялю, и принялась рассматривать цветы. То есть этот гад, еще и поднялся в ее глазах, истратив на розы мои последние деньги!

И только одно мстительное воспоминание подсластило мне все кошмары этого утра. Вчера, когда мы пьянющие завалились в этот номер, Ева сразу буквально затолкнула меня в одну из спален:

– Иди, спи!

Уверенный, что она меня бросила ради своего певца, я вырубился мгновенно, так бы и уснул в одежде, если бы через некоторое время не почувствовал трущееся о меня легкое маленькое тело.

Тело было женское. Тело было горячее. И оно было совсем голое. Мне даже ничего не надо было делать. Ее руки сами ловко раздевали меня. Но я все равно приподнял голову и, стараясь изобразить строгий прищур, спросил:

– А как же твой Алеша?..

– Спит Алеша, дрыхнет, – пробормотала она. При этом дыхание у Евки перехватывало – она была уже сама не своя от желания. – Нажрался, скотина и заснул. Теперь его не поднимешь. И вообще он мне не нужен. Я тебя люблю! Какое счастье, что мы встретились... – и она припала к моей груди, изображая нежность. А ее проворные пальцы ни на секунду не останавливались, стаскивая брючный ремень.

Но женщина не должна была вот так бросать меня, и возвращаться, удовлетворяя минутные капризы. Я хотел компенсации морального ущерба. Поэтому приподнялся на локтях и сказал.

– Если уж ты меня сюда притащила – извольте к роялю милая!...

– На черном рояле? Такого со мной еще не было, – хихикнула в ответ Ева Томашевская, тогда ночью.

Так что теперь, посреди катастрофы отвратительного утра, этот самый черный рояль, возвышался единственным приятным воспоминанием, словно не сдающийся гордый «Титаник». Может быть, просто сама судьба предъявляла мне такой счет за потрясающую ночь с

шикарной женщиной? Которая с утра опять делала вид, как будто мы едва знакомы, и только восхищенно перебирала розы в букете.

Алеша, тем временем, торопливо наливал пиво из очередной бутылки в новый бокал, и еще вытащил из внутреннего кармана белого пиджака чекушку самой простой «Русской» водки, которую явно собирался плеснуть туда же.

– Загороди, меня от Евки, – вполголоса попросил он, опасливо поглядывая в сторону Томашевской. И сам отодвинулся к подоконнику, чтобы втихушку приготовить свой отвратительный коктейль.

В номере зазвонил телефон. Ева сняла трубку.

– Василич приехал, пора выметаться отсюда! – скомандовала она. – Алешка! Собирайся! Пора концерт записывать... – и убежала обратно в спальню. Алеша торопливо доглотал адскую смесь из своего фужера и заметался по номеру в лихорадочных поисках – куда бы спрятать пустую бутылку.

Дверь распахнулась, и в гостиную быстрым шагом буквально ворвался еще один персонаж. Вновь прибывший был полной противоположностью Алеше. Начиная с комплекции: невысокий крепыш, к любой детали внешности которого отлично подходило слово «мясистый». Нос у него был толстый и мясистый, щеки изрядно выпирали, суживая глаза и прикрывая часть шеи. Толстые губы были растянуты в радостную улыбку. И даже лысина, обрамленная на затылке и вокруг ушей короткими кудряшками, бугрилась мясистыми шишками. В отличие от Алеши, мгновенно побледневшего после водки с пивом, его «продюсер» источал румянец и энергию.

– Ну, здравствуй, что ли, талантище! – ринулся он обниматься с певцом. Уткнулся носом в его белый костюм ровно на секунду и тут же резко отшатнулся. – Пил, что ли с утра?!..

Вся его веселая энергия, словно мгновенно почернела.

– Я тебя убью, когда-нибудь ублюдок, – прошипел крепыш. – Вот только сорви мне запись! Вот только спой плохо. Столько денег вложил, ребят из оркестра подогнал, а ты с утра на кочерге?..

– Только пиво, Василич! Мамой клянусь! Я осознаю ответственность момента... – звучно икнув, принялся врать Алеша. – Тут это, Василич, дело одно, – он оглянулся на меня, взял своего продюсера под локоток и повел к окну.

Я напряг слух, и уловил, как Алеша рассказывает, что «должен парню сотку» и просит «небольшой аванс». Но в ответ «мясистый» Василич только дернул локтем и взбеленился.

– Какие деньги?! Ты спой сначала! И так уже должен сколько? Ни копейки не получишь, пока запись не завершим, как следует.

И он отошел в сторону, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

Ловить здесь было больше нечего, а каждая секунда промедления, жгла огнем, поэтому я начал потихоньку двигаться в сторону прихожей. Надо было срочно драпать отсюда. Но тут Алеша некстати задержал меня под локоть и сконфуженно забормотал:

– Ты погоди, дружище. Теперь он деньги отдаст только когда спою. Задолжал я этому кровопийце. Но можно попробовать к обеду уломать его. Тогда уже половина записи будет готова, и я его уломаю. Так, что давай – с нами поедешь...

– Куда с нами?! – резко возразила Ева Томашевская. Она дожидалась в прихожей и услышала последние слова Алеши. – Ты совсем сдурел? Запись тайная, квартира конспиративная, а он туда же – зрителей захотел, массовки...

– А я не могу петь, когда никто не слушает! – подчеркнуто капризным голосом заявил Алеша Козырный. – В стенку на обои, что ли смотреть и петь?..

– Ладно, бери своего кредитора, – смиловился Василич. – Пригодится нам за водкой бегать... – и подмигнул мне вполне дружелюбно, прихватив и букет. – Кстати, вы не в

курсе, почему столько ментов в вестибюле? Документы проверяют. Вроде какого-то угонщика ловят? – направляясь к выходу, бросил Василич.

Я замер, отлично понимая, какого угонщика пытаются поймать в вестибюле. А потом облава – пойдут проверять номер за номером...

– Ты не слушай их, Сережа, езжай, куда собирался. Тебе с нами делать нечего, – продолжала возражать Ева. – Нам бы Василич, как-нибудь незаметно отсюда выскользнуть? А то документов у Алешки, как обычно не водится, проскочим, через какой-нибудь задний проход? У тебя же тут вся администрация в друзьях...

Она слишком настойчиво старалась показать, что я для нее ничего не значу. Якобы, забыла, как, этой ночью, изгибась в судорогах оргазма, царапала мне спину... А потом, закутив, еще цинично пошутила: «До чего скользкий инструмент!...» А может, Ева просто опасалась, как бы я не намекнул Алеше про ее ночную измену? Но она не учла некоторых особенностей моего характера. Стараясь «срубить меня с хвоста», она только разбередила мое упрямство, которое в таких случаях подмывает поступить наперекор. К тому же не оставалось другого способа проскочить незамеченным мимо ментов, устроивших рейд в гостинице, кроме как в кампании с ушлым Василичем. Одному спуститься в холл гостиницы было то же самое, что явиться в милицкий участок, оформлять явку с повинной. Единственный шанс смыться отсюда появлялся только через какой-нибудь боковой выход.

– Ладно, поехали, – ухватился я за этот шанс немедленно.

И если совсем честно – меня уже грызло любопытство, что за такая тайная запись? И что там за студия? Любопытство подкрепляло и необходимость, и досаду. Меня уже понесла река моей будущей судьбы. Но, удаляясь по ковровой дорожке вдоль широкого гостиничного коридора вместе с новой странной компанией – я еще не подозревал об этом.

3 Знакомый голос

Такси дожидалось нас. Счетчик в машине успел натикать больше пяти рублей. Половину пространства на вместительном заднем сиденье «Волги» занимала гитара. Она была не желтого цвета, как я привык, а какого-то темно-вишневого с чернотой. Я таких никогда не видел.

– «Стратакастер»! – расплылся в блаженной улыбке Алеша. Он юркнул на заднее сиденье и принялся обнимать и нежно ласкать гитару, словно ее широкие деки были бедрами роскошной женщины-вамп. Он обернулся к продюсеру, и я с удивлением обнаружил настоящие слезы на глазах странного певца. – Василич, ты сберег!..

– Ну, а как же! – пробормотал довольный и даже немного смутившийся Василич, располагаясь на переднем сиденье.

И тут меня окликнули. Медленно оборачиваясь, я уже знал, что попался. Все-таки «Волга» стояла на виду, хоть и у бокового входа.

Ко мне спешил Валет. А в отдалении стоял, искоса поглядывая, тот самый вчерашний тип – инструктор обкома, владелец «Жигулей». А рядом с ним, молча, курил еще один мужчина, штатская одежда которого была не способна скрыть милицейскую выправку.

– Ну, ты наворотил дел! – выдохнул Валет. – Ты же новую машину помял! Еще и пьяным ездил! Без прав! Ты никого не сбил?.. Теперь тебя точно посадят!..

– Ну, а ты-то, что суетишься? Сдал меня все-таки, не удержал язык за зубами? – зло буркнул я в ответ, не представляя, что теперь делать.

– Да я тебя спасаю! – возмутился Валет. – Мне деваться было некуда. Слушай – если ему компенсировать нормально: моральный и материальный ущерб – я может и смогу договориться, чтобы он забрал заявление. Только быстро решай! Стоить будет две тысячи, успеешь срочно собрать?

Прозвучавшая сумма придавила меня к земле. В бескорыстное посредничество Валета поверить мог только идиот. Но какие бы свои интересы он не маскировал за дружеской улыбкой, приходилось признать – только Валет мог мне сейчас помочь «отмазаться» от тюрьмы. Не он же меня усаживал вчера за руль «Жигулей»? Расхлебывать предстояло все самому.

– Молодой человек, так ты с нами едешь или нет? – нетерпеливо окликнул меня Василич.

Окрик подстегнул мое главное желание – прямо сейчас уехать от проклятой гостиницы свободным, в такси, а не в наручниках.

– Я соберу деньги! Не знаю как – но соберу. Только дайте немного времени, – попросил я.

– К пяти часам мы к тебе домой приедем. Только не вздумай его обмануть. Чтобы все деньги были. Иначе сядешь! – поставил меня перед фактом Валет, и заторопился с отчетом к своему «старшему товарищу».

Когда я втискивался на заднее сиденье «Волги», гриф роскошной гитары, занимавшей там все оставшееся свободное пространство, неприятно боднул меня в висок. А когда такси резко рванулось с места, я стукнулся о гитару второй раз.

– Дорогая гитара? – потихоньку спросил я Еву, стиснутую между нами, на заднем сиденье. С этой минуты меня начало интересовать все вокруг, что стоит денег.

– Кто бы знал? – недовольно отозвалась она, пытаясь сесть посвободнее. – Эту гитару какой-то умелец сделал у нас в Питере. А какая у самоделки может быть цена? Звук у нее и, правда, хороший, чистый. Единственное имущество, которое имеется у нашей звезды, – съязвила Томашевская. – Как до сих пор еще не пропил – я удивляюсь? Наверное, все-таки не дорого стоит...

– Она всегда ко мне возвращается, – певец все еще стискивал инструмент в любовных объятиях, прижавшись к деке небритой щекой.

– А что значит «Стратакастер»? – недоумевал я.

– Все это голый понт! – фыркнула Томашевская. – Услышал где-то, как у Джимми Хендрикса или Мика Джаггера гитары называются. Вот и наш младенец себе выдумал игрушку...

«Волга» мчалась по утреннему, летнему, полупустому Питеру. Мы быстро проехали весь Невский, почти свободный от машин в этот час и направлялись куда-то на новую окраину города. Я лихорадочно пытался изобрести способ, как срочно достать много денег. Но ничего не приходило в голову. На встречу с Асланбеком я уже опоздал, так что этот вариант отпадал, по крайней мере – сегодня. Но даже при удачном стечении обстоятельств, сразу две тысячи там было не взять.

Пьяного Алешу быстро укачало, он сомлел и хватал воздух открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

– Приоткройте там окно. Чтобы нашего солиста ветерком обдувало, надо ему трезветь, – распорядился Василич, обернувшись с переднего сиденья. – Хочешь, Алеша, настроение тебе подниму?..

И, не дожидаясь ответа, он попросил водителя такси.

– Федор, включи, пожалуйста!

Молчаливый водитель, пошарил одной рукой у себя под креслом и извлек оттуда пропыленную магнитофонную кассету с ободранными наклейками. Не отрывая взгляда от дороги, он втиснул кассету в портативный магнитофончик «Весна», зажатый между передними сиденьями, и нажал клавишу.

– Стоял я раз на стреме! Держался за карман! Как вдруг ко мне подходит не знакомый уркаган... – Из магнитофона раздался искаженный помехами, и приглушенный многочисленными перезаписями, но вполне узнаваемый голос Алеша. А затем в ритме танго вступила пронзительная скрипочка.

В зеркальце заднего вида, я наблюдал, как водитель улыбается, и, скосив глаза, рассматривает – какое впечатление произвел сюрприз на певца.

В этот момент наше такси остановилось на светофоре. А в соседнем ряду затормозил грузовик КАМАЗ, тоже в ожидании зеленого света.

– Послушайте, в КАМАЗе тоже меня крутят! – завопил взбодрившийся Алеша.

Василич энергично открыл пошире свое окно. Я тоже прислушался. Из кабины грузовика, возвышавшегося над нашей «Волгой» доносилась трудноразличимая музыка, заглушаемая фырчанием мотора.

– ...Выпьем за мировую, выпьем за жизнь блатную!... – напел вслух сияющий Алеша. – В позапрошлом году делали, с ансамблем «Хулиганы»?..

– Точно! – согласился Василич.

Светофор дал зеленый свет, и КАМАЗ с оглушительным ревом тронулся с места, обдав нас клубами отвратительно вонючего выхлопа.

– Закройте окошки, сейчас же! – потребовала Ева, уткнувшись носом в розовый букет.

– Знакомый голос! Вся страна слушает Алешу Козырного! – польстил Василич, закрывая окошко.

– Слушать-то слушает. А в лицо никто не знает, – посетовал Алеша. – Ведь, если бы ты Федю не предупредил, кого он везет сегодня, он бы никогда и не узнал. Точно Федор? – спросил Алеша водителя. Но все равно чувствовалось, что он польщен.

– Радуйся, что никто не знает. А то давно бы уже посадили за блатные песни, – проворчала Томашевская.

Улучив момент, когда никто не видел, я слегка потискал ее ногу выше колена. Ева недовольно отдернула колено и даже не обернулась ко мне. А такси уже въезжало в один из новых окраинных микрорайонов Ленинграда. Уже пару пятилеток он застраивался одинаковыми панельными девятиэтажками. Здесь повсюду в небо торчали подъемные краны, а жители

были обречены годами пробираться к своим жилищам через непролазную глину бесконечной стройки. У крайнего подъезда одной из таких новых девятиэтажек и остановилась наша машина. Вопреки традициям новостроек, лифт в подъезде работал.

– Девятый этаж жми! – распорядился Василич. – Место сегодня новое. А то на старой квартире, слишком много записывались. Не хочу спалиться.

– Зачем так высоко забрались? – Алеша нажал кнопку. Кабина поползла вверх.

– А это чтобы, если менты нагрянут – по крышам уйти можно было, – пояснил Василич. – Шучу!

– Это как американские коммунисты? А Ева у нас будет вместо Анжелы Дэвис... – захотал Алеша. – Только нашим музыкантам с инструментами трудно будет на крышу вылезать.

– Просто место подходящее, – уже всерьез пояснил Василич. – Боковая квартира. С одной стороны – наружная стена дома. Сверху крыша. И соседи снизу в эти выходные на дачу должны уехать. Значит, мы своим грохотом никого не побеспокоим. Никто не начнет стучать в ментовку...

– А квартира напротив? – поинтересовалась Ева.

– Стены, как следует, одеялами завешаем, – пообещал Василич. – Ну, и совсем уж идеальных мест у нас в стране не бывает, – пояснил он, как только лифт остановился и двери разъехались. – Ты уж постарайся, Алеша, сегодня все записать побыстрее. Не тяни. А то я музыкантам по времени плачу. Каждый час – стольник. Вот они и не торопятся...

4 Подпольный концерт

Поперек большой комнаты, примерно на уровне лица, были натянуты бельевые веревки, на них прищепками закрепили два настоящих студийных микрофона. А одна из стен была сплошь завешана одеялами. Ватными, в отвисших пододеяльниках, синими шерстяными солдатскими одеялами и даже какими-то ковриками и скатертями. Чувствовалось, что для звукоизоляции в этом непри приспособленном жилище была использована вся ветошь, которая только оказалась под рукой.

Но не это было главным. На небольшом столике возле подоконника стояло чудо, от которого захватило дух. Сверкающий хромированными деталями, большой магнитофон «Sony»! Такую аппаратуру в Советском Союзе трудно было найти даже изображенной на картинке. А тут магнитофон стоял живой, настоящий, мерцающий огоньками маленьких лампочек и индикаторов!

Я моментально оказался возле этого технического шедевра. Две большие круглые пластиковые бобины: одна с пленкой, другая – пустая, уже были заряжены. Магнитофон гудел еле слышно, готовый начать запись в любой момент. Со всех сторон к нему стекались многочисленные электрические шнуры. Его хотелось нежно погладить по полированным бокам, словно послушного и сильного диковинного зверя! И я искренно пожалел, что сейчас здесь нет моего чудаковатого друга Витьки Зяблицкого, чтобы он хоть раз живьем посмотрел, как выглядит то, к чему он должен стремиться, когда поет «Sony» у себя на кухне.

– Интересуетесь, молодой человек? – спросил Василич. Он тоже, не без нежности, любовался фантастической японской техникой. – Великолепный аппарат. В Питере таких всего два экземпляра. У меня и у Муслима Магомаева. Месяц назад удалось достать. Как сказано у классиков «доставлено с таможни, контрабандный товар»... Десять тысяч рублей. Стоит, как «Волга», на которой мы сюда приехали...

– Студийный? – спросил я.

– Полупрофессиональный, – с легким сожалением признался Василич. – Но, что особенно важно для качественной записи – многоканальный. Воспроизводит частоты от 20 герц до 18 тысяч – весь звуковой диапазон, который способно улавливать человеческое ухо... – авторитетно заметил подпольный предприниматель. – А вы разбираетесь?..

Я хотел возразить, что диапазон, который слышит человек – на самом деле шире, но не стал. В конце концов, я сюда пришел не спорить, а смотреть и слушать. А обстановка здесь, что не говори – поражала.

Целый таз винегрета стоял на полу в углу комнаты. Огромная эмалированная посуда, в таких хозяйки обычно стирают белье. Впрочем, тут же находился и ящик водки, что многое объясняло.

На продавленном и засаленном диванчике сидело несколько плохо выбритых, и длинноволосых людей. Одеты они были сплошь в какие-то фирменные джинсы, свитера с картинками и иностранными надписями на груди. Но только вся эта совсем не дешевая одежда была или не стирана, или помята крайне небрежно. Нарочитым пренебрежением к дорогим шмоткам эта братия подчеркивала свое отличие от модных фарцовщиков – королей Невского проспекта.

Это собрались музыканты. На что недвусмысленно указывали инструменты, горой сваленные при входе. Мне показалось знакомым только одно лицо – клавишника, которого я уже видел вчера в «Поганке». В квартире было настолько накурено, что перехватывало дыхание. А пепел они стряхивали в пустые трехлитровые стеклянные банки.

Но, что было совсем удивительно: не взирая на внешнее убожество импровизированной студии и подчеркнутую неформальность отношений, здесь непостижимо присутствовал дух серьезных денег. Я ощутил это с первых же секунд и насторожился.

Между тем, Алеша уже успел поздороваться, похлопать по плечу всех музыкантов, которые яростно обсуждали чемпионат мира по футболу – вчерашний матч Италия-Аргентина.

– И что все носятся с этим молодым аргентинским нападающим? – недоумевал кудрявый и длинный тип, которого все звали Ёсиф. – Вчера этого хваленого Марадону намертво прикрыли, Аргентина и проиграла! – при этом Ёсиф разливал водку в подставленные граненые стаканы.

– Стоп! Стоп! – заметил маневр музыкантов Василич. – Вы что бухать сюда пришли?! Ну-ка завязывайте! Я вам не за это плачу, – грозно объявил он. – Пока первую сторону не запишем – никакой выпивки. Наш солист, после вчерашнего, и так еле на ногах держится...

– Я в ажуре! – возразил Алеша, не выпуская стакана из рук. – Лучше Василич, ты нам объясни: ты часом не еврей?.. Хватка у тебя такая деловая... А вот Ёська Шмеерзон – чисто-кровный еврей, но у него никой хватки. Только как скрипку хватать знает, да водку глушит похлеще иных русских!..

Музыканты рассмеялись.

– Уж хлеще тебя никто не пьет, Алеша, – разъярился Василич. – Ну-ка все по местам! Живо инструменты настраивать!.. А ты, голуба моя, иди сюда, определимся, что исполнять будем, – он забрал стакан из рук разочарованного Алеши и увел его в угол комнаты, показывать какие-то исписанные листочки.

Музыканты покорно разобрали инструменты, и разошлись по своим местам. Басист подсоединил электрический шнур к гитаре и подошел к крайнему висящему микрофону. Ударник встал за два небольших плоских барабана. Клавишник так и остался на диване, но подтянул ближе стойку с небольшой электроорганолой.

Между тем, Василич и Алеша вдруг громко заспорили.

– Не буду я это петь! – горячо возражал Алеша, от возмущения наивно и нелепо выпучив глаза. – Ну, что это: «А на вышке маячит, распроклятый чекист»!.. Это же чистая антисоветчина. На наши концерты смотрели сквозь пальцы, пока мы воровской романтикой занимались. А если в антисоветчики запишут – это конкретным сроком пахнет! Я потом в зоновской самодеятельности выступать не желаю!..

– Ну, какая же это антисоветчина, Алеша?! – возражал Василич. – Просто классическая лагерная песня: «По тундре, по железной дороге, где мчал товарный «Воркута-Ленинград»... Ее столько поколений пело. Ну и потом, у нас же с репертуаром – швах! Одно и то же перепеваем. В одной аранжировке, в другой, в третьей... Вот я и подобрал старые народные песни. Уверен, людям они понравятся, и новый альбом разойдется на ура. Артисту нельзя надоедать публике, иначе потом никому не будешь нужен...

Алеша перестал возражать и как-то сник. Только смотрел в окно на строящийся микрорайон с высоты девятого этажа, и словно ребенок, скреб ногтем по стеклу. Его белый костюм даже как-то осунулся на сутулых плечах.

– А мне, думаешь, не надоело? Столько лет петь «взял я фрайера на гоп»?.. Я уже ненавижу этот блат! Я ведь что угодно могу спеть: романсы, народные песни, эстраду, что хочешь!... Я ведь артист. А никто не верит. Вот даже ты не веришь в меня...

Мне показалось, что последние слова Алеши умудрились кольнуть непроницаемого Василича. В маленьких глазах мясистого крепыша дрогнуло мгновенное сомнение.

– Алешка! Если все можешь – спой «Яростный стройотряд»?! «И Ленин такой молодой и юный октябрь впереди»!.. – съязвил Ёсиф и еще пропилил смычком по скрипке, издав настолько гнусный звук, что все в комнате сморщились.

– Все тебе хохмить, Ёська! – повернулся Алеша.

– Ну, и кто же у нас тут король блатной песни?.. – заискивая, подбодрил Василич.

Певец снял белый пиджак, и повесил его на спинку стула. Оставшись в жилетке, сильно ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Подошел к центральному микрофону и громко пошкрябал его ногтем. Убедившись, что техника работает, певец обернулся к Василичу и спросил.

– С чего начинаем? – он уже опять улыбался до ушей. – Чтобы я ушел из шоу-бизнеса? Не дожидетесь!.. – Эти Алешины мгновенные перепады настроения были поразительны.

Дальше в комнате началась оглушительная какофония настройки инструментов. А я обратил внимание, что нигде нет Евы. Она оказалось на кухне, где в одиночестве тоже смотрела в окно на микрорайон с высоты и водила пальцем по стеклу. Неожиданно я обнаружил, что и ее глаза полны слез.

– И что, вот на этом люди деньги зарабатывают? – поинтересовался я, как будто невзначай. – На таких вот куплетах? «Раз пошли на дело, выпить захотелось»?.. И много за это платят?

– Много, – кивнула Ева. – Алеше за удачный концерт могут несколько тысяч сразу заплатить. Хоть «Жигули» покупай, только он пропивает все моментально. Василич себе наваривает в несколько раз больше. А сколько зарабатывают те, кто пленки тиражирует и по стране рассылает, я вообще не знаю, – отрывисто пробормотала она.

Это не укладывалось в голове. Неужели за два часа песен в прокуренной комнате с завешанными одеялами стенами, кто-то может заплатить несколько тысяч только певцу?.. Такого способа заработать кучу быстрых и легких денег, я не мог себе даже представить.

Впрочем, на кухне я оказался не только для решения вопросов коммерции. Я положил руки Еве на плечи. Они слегка вздрагивали. А потом не удержался и провел руками ниже – по бедрам. В ответ, Томашевская зло дернулась, отстранилась, сунула мне в руки все ту же охапку роз и холодно велела:

– Налей воды в ванну и брось туда, чтобы не завяли!..

А сама ринулась в комнату. И я поразился, как грубо искажается ее лицо, когда Ева в ярости. Кое-как свалив дурацкие цветы в ванну, и включив холодную воду, я устремился за ней.

Ева стояла, уперев руки в бока, загораживая Василичу музыкантов, и пыталась перекрыть музыку. Потом она с силой дернула за шнуры, которые торчали из драгоценного магнитофона. С пронзительным звуковым глюком микрофоны обесточились. Запись прервалась. Только бас-гитара по инерции ритмично пульсировала на всю комнату. Василич подскочил со своего режиссерского места, в отчаянии всплеснув руками.

– Ты меня обещал начать записывать! – без обиняков заявила Томашевская. – А стоило Алешке появиться – меня словно и нету?..

– Евочка, звезда моя! Ну, тебя же мало просто слушать, тебя же видеть обязательно надо, – урезонивал растерянный Василич. – Ты же красавица...

– Я тоже могу спеть, и «Мурку», и «Постой, паровоз», я весь репертуар знаю! – истерично выкрикивала она.

Василич, ласково воркуя, обнял Еву за вздрагивающие плечи и увел в уголок. Где явно врал ей какие-то новые обещания. Скрипач Ёсиф тайком кивнул Алеше головой в сторону кухни. И оба потихоньку выскользнули из комнаты. Клавишник, шепотом выматерившись, подошел к магнитофону и начал разбираться со шнурами, подключая их обратно.

– Все, перекур закончен! – объявил Василич, громко хлопая в ладоши. – Ева согласилась исполнить две свои лучшие песни. Она ими будет завершать наш концерт. Чую – это будет великолепная запись, настоящая сенсация!.. Руки чешутся поработать! Алеша, ты где?! Запись пошла!

Из кухни вернулся сияющий улыбкой Алеша.

– Итак!.. – с лихой интонацией выпалил он, едва успев оказаться перед микрофоном. – Выступает артист ленинградской филармонии – Алексей Козырный! С ансамблем из четырех братьев, – Алеша окинул многозначительным взглядом приготовившихся музыкантов. А Ёсиф, к его словам взял несколько нот на скрипке, нежно и зазывающе. – И одной пикантной сестренки! – продолжил представление Алеша, посылая Томашевской шуточный воздушный поцелуй. – Мне, как всегда неожиданно, принесли новый текст!.. И вот в таком боевом составе мы его сейчас для вас приделаем!.. И-и, начали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.